

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО СССР
ВОСТОЧНАЯ КОМИССИЯ

СТРАНЫ И НАРОДЫ ВОСТОКА

Под общей редакцией
члена-корреспондента АН СССР
Д. А. ОЛЬДЕРОГГЕ

ВЫПУСК X

СРЕДНЯЯ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ

ГЕОГРАФИЯ, ЭТНОГРАФИЯ, ИСТОРИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1971

О. Г. Большаков

ДВА ВАКФА ИБРАХИМА ТАМГАЧ-ХАНА В САМАРКАНДЕ

Социально-экономическая история Мавераннахра XI—XII вв. изучена лишь в самых общих чертах. Рассуждения о развитии тех или иных форм собственности на землю, степени распространения икта при Караханидах и т. п. основываются на аналогиях с Хорасаном и Ираном, потому что письменных источников, происходящих из Мавераннахра этого времени, пока нет. Все, что мы имеем, ограничивается сведениями о политической истории. Нет даже самых скромных описаний городов, которые позволили бы сравнить их состояние в XI—XII вв. с описанным географами X в. Дополнения Кубави к «Истории Бухары» Наршахи являются единственным отрядным исключением.

Мы ничего не знаем о жизненном уровне населения, его заработках, ценах на товары, землю, жилища, почти ничего не известно о курсе денег, ходивших в Мавераннахре. Причиной тому — отсутствие деловых документов, — не сборников грамот и официальной переписки, которая как-то зафиксирована в XII в. [20; 21], а частных документов: актов купли и продажи, завещаний, соглашений о найме рабочей силы, аренде и т. д. До самого последнего времени не было и вакфных документов.

Понятно, какой радостью для всех историков Средней Азии оказалась публикация двух вакфных документов Ибрахима Тамгач-хана, осуществленная К. Каэном и М. Хадром [17]. Оба этих документа извлечены из сборников образцов деловой документации и фетв, служивших учебниками по составлению деловых бумаг и хрестоматиями образцов изящного слога. Последнее обстоятельство в немалой мере способствовало исчезновению имен собственных из приводившихся документов. Но, в общем, средневековые составители сборников подобного рода добросовестно передавали текст включаемых документов и, будучи незаинтересованы в содержании, редко вносили преднамеренные изменения (только в случае расхождения политико-религиозных взглядов авторов документов и составителей сборника могли быть намеренно опущены славословия и т. д.). Поэтому, несмотря на все искажения и пропуски в тексте этих двух актов, появившиеся за несколько веков переписки, их можно рассматривать в целом как вполне достоверные документы.

Издатели ограничились публикацией арабского текста с небольшой текстологической правкой, сопроводив его французским переводом. В этом виде в нем остается много неясностей, предположительных чтений, особенно имен и названий, которые, за редким исключением, встречаются здесь впервые. Потребуется немало усилий, прежде чем кому-либо удастся дать исчерпывающее исследование этих документов. Од-

нако и сейчас эти документы дают нам массу новых сведений (прежде всего, о Самарканде XI в. и о денежной системе того времени), которые мы попытаемся здесь интерпретировать, не давая полного русского перевода.

Первый документ, которым Ибрахим Тамгач-хан учредил госпиталь в Самарканде, относится к середине раджаба 458/ середине июня 1066 г. и заверен кади Абу Насром Мансуром б. Ахмадом б. Исмаилом. Он опубликован по тексту рукописи *Ал-Мухит ал-Бурхани* ибн Маджа. Интерес представляет уже начало с полным титулом Ибрахима: «ал-хакан ал-аджалл, ас-сайид, ал-малик ал-музаффар, ал-му'аййад ал-'адл, имад ад-дин ва-д-даула, тадж ал-милла, 'изз ал-умма, кахф ал-муслимин, малик аш-шарк ва-л-гарб Тамгач Бугра-хакан б. Исхак б. Ибрахим б. Наср сайф ал-халифати-л-лахи амири-л-муслимин», который, несомненно, привлечет внимание нумизматов¹.

Госпиталь, основанный Ибрахимом, по-арабски назван «домом для больных» (дәр ли-л-марда), но по-таджикски, судя по упоминаемым топонимам, назывался «бимаристан». В нем могли находить приют не только больные, но и несостоятельные люди. К сожалению, название квартала и улицы, на которой располагался госпиталь, опущено («...в квартале таком-то на земле одного из кварталов Самарканда на улице, называемой „улица такая-то“»), но описываются все постройки, граничащие с ним (порядок перечисления неизвестен):

Первая сторона: хан, являющийся вакфом госпиталя, и хан Абу Бакра Мухаммада б. ал-Амда ан-Насафи.

Вторая сторона: двор (саха) мечети на улице Ривдад², наследственные дома Ибрахима б. Мухаммада Дизаки, дома, являющиеся вакфом для ремонта мечети Дауда, дома Адам Банин дочери Абдаллаха ал-А'ма («слепого»), дома Абд ал-Хамида б. Ахмада, дома ал-Хасана б. Али ат-Табари, дома Фатимы дочери Абд ас-Сабура ат-Табари, дома Аиши дочери Мухаммада — портного, дома Мухаммада б. Мансура раиса, конюшня Фатимы дочери Хамзы Насафи.

Третья сторона: хан ал-Фай³.

Четвертая сторона: улица, на которую выходят ворота госпиталя.

На содержание этого госпиталя Ибрахим пожертвовал в вакф «мустагаллы, находящиеся в его собственности и его распоряжении, которые расположены на базаре Самаркандского Согда⁴». Далее следует перечисление вакфов.

1. Хан рядом с госпиталем, называющийся «тимак-и бимаристан» [рядом с ним упоминается дом (дәр) Нуштегина].

2. Хан «кишан»⁵. Этот хан окружают лавки хаджиба Али б. Адама на улице Фудан (?)⁶, хан Су'су' ал-А'джами, дома вакф медресе кади ал-Хасана б. 'ли, рабат дочери Ибн ал-Ашкара, лавки ал-'Аджаджа и Мутли' б. Абдаллаха ал-А'джами, дома Фатимы дочери Ахмада б. Насра.

¹ Ср. спор о титулатуре Ибрахима [5, стр. 75].

² В тексте راوداد.

³ القى; вероятнее, что караван-сарай назван по одному из селений Самаркандского Согда: القى.

⁴ Хадр считает, что Согдом называется сам город в отличие от пригородов [17, стр. 316, прим. 5], но для этого нет никаких оснований.

⁵ خان كيشان.

⁶ على بن آدم كمو ومن بسكة سمر قند فودن.

3. Две постройки (имарат), примыкающие друг к другу, в месте, называемом «песок продавцов дров (?)»⁷.

а) «Баня Мервана»⁸. К ней примыкают лавки, являющиеся частью вакфа; будки «ник занан (?)»⁹; лавки хлебопеков¹⁰; лавки — вакф на поддержание «ворот Чахарсук», лавка торговца дровами Омара б. ал-Касима ал-Му'аййадави. Эта баня расположена между двумя улицами — улицей Дауда и улицей Тимак¹¹.

б) Второе здание не названо, говорится только, что оно примыкает к «другой бане», которая называется «гармабе-йи занан» (женская баня), и к «этой бане». Одна сторона этого здания выходит на улицу Дауда, а дверь выходит на улицу Тимак.

4. Две лавки у ворот первой бани. К ней примыкают лавки — вакф на поддержание какого-то оросительного устройства¹². Они располагаются на каком-то канале (сән бәзәр?).

Доход с перечисленных вакфов не определен, указано только процентное распределение на различные нужды госпиталя (в тексте есть пропуски): 15% — на эксплуатацию и ремонт здания, 15% — на пропитание больных, 8% — на мясо для больных, 10% — жалование врачам, 2% — кровопускателям, 5% — на дрова для кухни, 3% — жалование поварам, 3% — жалование имаму и муэzzину, 3% — могильщикам, 5% — дворникам, 3% — на соль, лук и прочие приправы, 2% — на циновки, кувшины и лампы, 5% — на поддержание соборной мечети Самарканда, 8% — на содержание обслуживающего персонала мечети.

Второй документ, об учреждении ханифитского медресе, не датирован, имя лица, завершившего его, опущено, титулатура несколько сокращена (извлечен из анонимного *Фатава ал-'Аламгирийа*). Медресе имело мечеть, помещения для изучения шариата ('илм), библиотеку (мактаба) для изучения Корана, помещения для чтецов Корана, помещения для преподавания литературы (адаб), дворики (дувайрат) и сад.

Находилась медресе «внутри медины Самарканда в местности под названием „Новые ворота“»¹³. К нему примыкала площадь (сәха) Хатун-малки, дочери Тархан-бека, какой-то ров вакфа мешхеда; дом, являющийся вакфом учащихся; жилище Ахмада ал-Мукассаса, жилище Абу-л-Касима б. ал-'Ата, хан Хатун-малки, жилище Хавли ал-Хайлташи, ханака эмира Низам ад-даули, жилище (манзал) Хатун-малки туркан-хатун.

На содержание медресе также было предназначено несколько вакфов.

⁷ رمل فروشان هرم.

⁸ گرمابه كردايه مروان следует читать گرمابه, это подтверждается последующим текстом.

⁹ كازه نك زنان.

¹⁰ الخبازين حانوت مفين دردن الجبازين. последнее слово я читаю الخبازين.

¹¹ تيه سكة سمسك. Начало второго слова явно тие.

¹² موقوف على سقاية باشى (далее явный пропуск).

¹³ داخل مدينة سمرقند بموضع منها يعرف بالباب الجديد. Медина Самарканда, как известно, соответствует Афраснабу. Одни из ворот медины назывались «железными» (حديد) или Наубехарскими, следовательно, с полным основанием можно предположить чтение الباب الحديد.

1. Хан Тим-и палас¹⁴, находившийся на базаре Самаркандского Согда в квартале золотых дел мастеров (заркубан) на улице Муфлис (?).

2. Хан в квартале Рас ат-так в переулке Ширфурушан (торговцев молоком).

3. Хан в квартале Рас ат-так на улице (сикка) 'Аббада.

4. Большой двор (дувайра) в хане Самаңи в Рас ат-так на улице (шари') дарб Манара.

5. Мужская баня на базаре Самаркандского Согда в квартале Рас кантара 'ахира («начало моста проституток») ¹⁵ на улице Хаммада.

6. «Все дома крестьян (акара) и вододелитель (байт ат-тираз) ¹⁶, и виноградники, и огороды, и тока, которые все находятся в селенье (карья) Чарма'ад округа Анбаркар рустака Самарканда».

Бюджет медресе указан в абсолютных цифрах. 18 тыс. дирхемов в год приходится на долю всех студентов, мударрис может распределять их поровну или в соответствии с успехами, но не более 30 дирхемов в месяц (следовательно, число студентов было несколько больше 50). Управляющий получал 2 тыс. дирхемов в год, преподаватель фикха — 3600, раздатчик (кассир) — 600, преподаватель литературы — 1200, преподаватель Корана — 1200, чтец Корана в медресе — 1500, четыре чтеца Корана в мешхеде — по 750, два двроника — по 600, надзиратель-библиотекарь — 1200. Кроме того, 700 дирхемов в год ассигновалось на масло для ламп, 400 — на лед для охлаждения питья летом, 3350 — на угощение в рамадан, 50 дирхемов — на свечи и благовоения в последнюю ночь рамадана, 1 тыс. — на жертвенных животных, 1 тыс. — на одежду для бедняков и на угощение в 10-й день рамадана. Все упомянутые расходы составляют 30 тыс. дирхемов в год без учета расходов на содержание и ремонт здания. Если предположить, что, как и в первом случае, они составляют 15% всего бюджета, то общий бюджет окажется около 35 тыс. дирхемов.

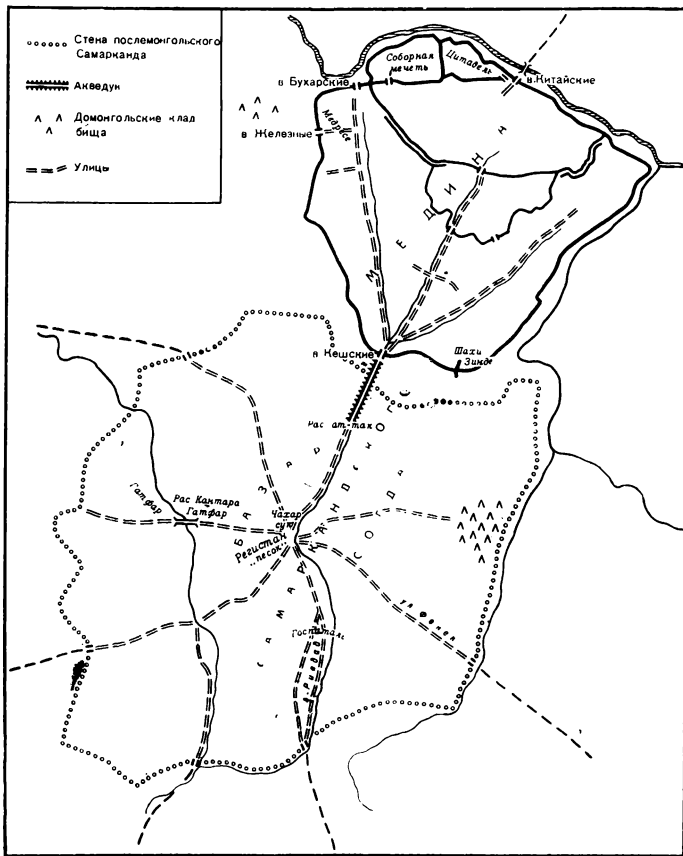
Оставляя в стороне вопрос о формуляре документов и различных предписаниях управляющим относительно сдачи в аренду вакфных имуществ, рассмотрим, что нового дают они для понимания облика и топографии Самарканда середины XI в.

Госпиталь, как явствует из документа, одной стороной примыкал к мечети на Ривдадской улице. Следовательно, хотя он и выходил на другую улицу, его можно как-то локализовать. Ривдадская улица (дарб ривдад) упоминается географами X в.; она, по-видимому, как и ряд других больших улиц-дарбов, должна быть привязана к одноименным воротам стены рустака Самарканда. Селение Ривдад, загородная резиденция ихшидов Согда, находилось в 1 фарсахе к югу от города и отождествляется с городищем Тали Барзу [1, стр. 99—100]. В этой стороне находились и Ривдадские ворота Дивари княжат. Следовательно, Ривдадская улица должна находиться в южной части Самарканда по пути от позднесредневекового Чарсу к воротам Сузангаран. Однако никаких данных для более точного определения положения госпиталя на этой улице у нас нет. Ясно только, что он находился в плотно застроенном квартале, а не на свободном участке в пригороде и поэтому его, скорее, надо искать в южной части тимуровского города

¹⁴ تیم پالاس следует читать نیم بلاش.

¹⁵ راس قنطرة غاتفر, быть может, следует читать راس قنطرة عاهرة, местоположение этого квартала приблизительно известно.

¹⁶ Обычное значение «мастерская тиразов», но в Средней Азии слово «тираз» имеет также иное значение: по объяснению Хорезми [19, стр. 69—70] طراز مقسم الماء فی النهر.

Схематический план Самарканда XI в.

в районе улицы Сузангаран. Местонахождение медресе указано более точно: внутри шахристана Самарканда, возле Железных ворот; последние находятся в западной стороне Афрасиаба. Этот район частично раскопан [10, рис. 1], было бы интересно предпринять поиски этого медресе, так как в случае его обнаружения можно было бы даже определить назначение и принадлежность всех окружающих зданий.

Основная часть вакфов обоих учреждений располагалась на «базаре Самаркандского Согда»; как явствует из второго документа, здесь находился известный по другим источникам квартал Рас ат-так («начало свода»), где начинался акведук, снабжавший водой шахристан Самарканда (Афрасиаб). Это соответствует району Биби-ханым.

Здесь находилась улица Дауда, улица Тимак, улица Муфлис (?), улица Хаммада, улица Аббада (в квартале Рас ат-так), переулок продавцов молока, улица минарета, квартал золотых дел мастеров и квартал «начало моста проституток». Где-то неподалеку от улицы Дауда проходил канал. Здесь же упоминается «песок продавцов дров (?)». Если допустить, что с этим песчаным местом связано название Регистан, то значительная часть построек и улиц, упоминаемых в документах, локализуется довольно точно.

Судя по раскопкам М. Е. Массона на Регистане в 1920—1922 гг., в X в. через Регистан с юго-востока на северо-запад проходил канал, около которого находились мастерские гончаров и стеклодувов [8,

стр. 1—2]; возможно, что это именно тот канал, который упоминается вблизи улицы Дауда.

Перечень границ владений свидетельствует об очень чресполосном размещении жилых домов, торговых предприятий и общественных учреждений. В одном квартале оказываются рядом жилые дома, торговые пассажи, лавки, больница. Это обстоятельство лишней раз опровергает убеждение, что в X—XI вв. в городах Средней Азии кварталы были заселены по профессиональному признаку [9, стр. 456]. Скорее всего, улицы и кварталы, называвшиеся по ремеслам или товарам, были специализированными торговыми улицами, а не жилыми.

Заслуживает внимания и то обстоятельство, что среди владельцев домов названо значительное число женщин (почти каждый третий владелец); мусульманское право предоставляло женщинам свободно распоряжаться своим имуществом, но между теорией и практикой мог существовать большой разрыв; наши документы свидетельствуют о том, что и на практике в XI в. женщины пользовались большой экономической самостоятельностью.

Учреждение ханифитского медресе Ибрахимом не случайно. Историки говорят о нем как о благочестивом правителе, прислушивавшемся к мнению богословов. Известно, что в 436/1044-45 г. он предпринял гонение на исмаилитов [16, IX, стр. 358], которое, по-видимому, затронуло и другие неортодоксальные течения [6, стр. 117]. Он был также первым караханидским правителем, предпринявшим обширное монументальное строительство. Рассматриваемые документы лишней раз подтверждают эту характеристику Ибрахима.

Особенно ценны для нас финансовые сведения, содержащиеся во втором документе. На них мы остановимся подробнее. Говоря о суммах, распределяемых на различные нужды, составитель документа специально определяет тип монет, в которых рассчитаны платежи: [مدرهم]

مؤيدية عدلية رسمية نقد كورة سمرقند يوم رقت هذه الصدقة فيه

«Дирхемы муаййиафи адли, законные, чеканенные в Самаркандском округе в день (дни), когда совершено это дарение» [17, стр. 327]. Не ограничиваясь этим, он поясняет в другом месте: «а стоимость этой названной монеты в день, когда совершено это дарение: каждые 47 дирхемов — один мискаль чистого червонного золота (الذهب الابريز الحالص)» [17, стр. 329].

Название дирхемов явно связано с титулом Ибрахима, муаййад ал-адл, тем более что определено говорится о монете новой чеканки. У нас нет сведений о качестве монет Ибрахима, чеканенных в Самарканде [5, стр. 76], но хорошо известны его дирхемы, чеканенные в Фергане и Чаганиане. Они принадлежат к числу неполноценной серебряной монеты, характерной для Средней Азии XI—XII вв. Чаганианские дирхемы 30-х годов XI в. содержат 22—29% серебра, позже его содержание даже снижается; в 60-х годах ферганские монеты Тамгач-хана содержат в среднем 20% серебра [3, стр. 103—105].

Вопрос о курсе этих дирхемов до сих пор оставался загадкой для историков. Е. А. Давидович, основываясь на свидетельстве Кубави о курсе медных дирхемов гитрифи в 1128 г., пришла к выводу, что неполноценные дирхемы в XI—XII вв. «должны были обращаться в сфере серебра, как знаки стоимости с принудительным курсом» [3, стр. 106]. Это мнение принято всеми, его разделял до сих пор и автор данной статьи, однако сведения разбираемого документа заставляют усомниться в его справедливости.

У нас есть для XI в. еще одно свидетельство о курсе дирхема, от-

носящееся к 30—40-м годам XI в. В *Асрар ат-таухид* рассказывается о том, как один из поклонников Абу Са'ида Мейхени решил подарить шейху тысячу дирхемов *از آن سیم که آن وقت نو زده بود سی درم بدینار* «того серебра, которое в то время было вновь чеканено [и стоило] тридцать дирхемов за динар» [6, стр. 113]. Мы не можем точно установить, какое «то время» имеется в виду, во всяком случае действие происходило в Нишапуре и, следовательно, до сельджукского завоевания, которое застало Абу Саида в Мейхене. Скорее всего, имелись в виду дирхемы, чеканенные Мас'удом, уступавшие по качеству монетам его отца. Содержание серебра в них было около 70% [3, стр. 103].

Чисто серебряные дирхемы (или считавшиеся таковыми) в то же время, как документально засвидетельствовано на западе мусульманского мира, равнялись $\frac{1}{20}$ динара [15, стр. 390; 18, стр. 230]. При таком расчете в дирхемах, составлявших $\frac{1}{30}$ динара, должно быть $66\frac{2}{3}\%$ серебра, а дирхемы, содержавшие 70% серебра (как масудовские), должны были относиться к динару как 1 : $28\frac{3}{4}$. Расхождение между обеими величинами настолько незначительно, что мы можем говорить в данном случае о полной зависимости курса от содержания серебра.

Несколько иначе обстоит дело с дирхемами Тамгач-хана. При содержании 20% серебра (также считая стопроцентный дирхем в $\frac{1}{20}$ динара) они должны были бы стоить $\frac{1}{100}$ динара, а при допущении, что рыночный курс устанавливался по образцам того же правителя с максимальным содержанием благородного металла (23%), — $\frac{1}{87}$ динара. Даже в этом случае их курс оказывается вдвое выше стоимости содержавшегося в них серебра¹⁷.

Курс неполноценных дирхемов, приводимый в интересующем нас документе, поразительно совпадает со стоимостью неполноценных дирхемов в Египте и Северной Африке того же времени — от 40 до 50 за динар [15, стр. 371—379, 390; 14, III, стр. 817—818]. Колебания в этих пределах определялись торговой и политической конъюнктурой. Видимо, от Средней Азии до Туниса существовали единые условия, стихийно создававшие международный курс таких номинально серебряных дирхемов.

Таким образом, можно утверждать, что по мере уменьшения содержания серебра в монете происходило падение ее курса, хотя и не пропорциональное. В силу вступали те факторы, на которые указывала Е. А. Давидович [2, стр. 45—46; 3, стр. 116—117], падение сдерживалось спросом на неполноценные дирхемы как единственное повседневное средство обращения. Говоря об этом, мы еще не знаем одного важного обстоятельства — каким было качество самаркандских дирхемов Тамгач-хана, так как, судя по документу, самаркандский чекан имел какие-то отличия¹⁸. Во всяком случае, ясно, что их курс не был совершенно произвольным, принудительным, совершенно не учитывавшим изменение содержания серебра.

Исходя из этого, странным кажется курс медных дирхемов гитрифи, приводимый Кубави в «Истории Бухары». Этот отрывок неоднократно анализировался [2; 3; 4; 7], и поэтому мы не будем его здесь приводить. По мнению Е. А. Давидович, в 1128 г. 100 дирхемов чистого серебра равнялись 70 (или 72) дирхемам гитрифи, а мискаль чистого золота

¹⁷ Возможен и другой расчет: если дирхем чистого серебра стоит в динарах 1 : $13\frac{1}{3}$, то двадцатипроцентные дирхемы должны стоить в пять раз дешевле: $40/3 \cdot 5 = 66\frac{2}{3}$ за динар, а семидесятипроцентные — около 20 за динар. Это расходится с данными *Асрар ат-таухид*, но мы не можем ручаться, что там не имелись в виду дирхемы худшего качества, чем содержавшие 70% серебра.

¹⁸ Состав монет самаркандского чекана неизвестен [5, стр. 76].

(динар) — $7\frac{1}{2}$ дирхемам гитрифи [2, стр. 38—39, 3, стр. 93—99; 4]. Персидский текст, кажется, не позволяет иного понимания. Странно только то, что в эпоху подорожания серебра, которое, по вычислению того же исследования, относилось к золоту, как 7,5 : 1, медные дирхемы (содержание серебра в них было не больше $\frac{1}{6}$, т. е. 15—16%) оказываются дороже серебра. Е. А. Давидович сама отмечала эту странность, но считала, что ее можно объяснить «сравнительно небольшими их запасами, не пополняемыми новым чеканом» [2, стр. 42]. Можно допустить, что в особо благоприятных условиях один из типов денежных знаков на фоне увеличивающегося падения качества другой монеты окажется равнозначным своему номиналу (хотя, как мы видим, содержание металла учитывалось), но трудно допустить их курс значительно выше номинала.

Прежде всего, в указанном дополнении Кубави имеется вариант, который позволяет предложить иное понимание текста: возможно, что именно *در شرع* («по закону»), а не *زر سرخ* («червонное золото») является первоначальным. В таком случае эта часть фразы говорит только о том, что по закону $7\frac{1}{2}$ гитрифи должны стоить один мискаль серебра, т. е. $5\frac{1}{4}$ дирхема гитрифи должно равняться 1 дирхему серебра¹⁹. Этот курс очень близок первоначальному, установленному в конце VIII в., — $\frac{1}{6}$ дирхема серебра. Быть может, поэтому Кубави говорит о стоимости «по закону». Поэтому его и удивляет, что вместо этого в его дни он стоит $1\frac{3}{7}$ серебряного дирхема.

Но и в толковании первой половины фразы не все бесспорно. М. Е. Массон [7, стр. 191] считал, что дирхемы, с которыми сравниваются гитрифи, — серебряная монета, а Е. А. Давидович полагает, что имеются в виду весовые единицы [3, стр. 98]. Если мы допустим, что *رادهم نقره حانص* («дирхемы чистого серебра») не весовое серебро, а реальные дирхемы, номинально считавшиеся серебряными, то курс гитрифи перестанет быть чем-то загадочным: окажется, что они были несколько дороже тогдашних неполноценных же дирхемов. Это незначительное превышение над курсом других дирхемов того времени вполне может быть объяснимо прекращением выпуска гитрифи, что гарантировало его устойчивость, в то время как стоимость других дирхемов колебалась, о чем говорит хотя бы замечание составителя документа об учреждении медресе: «А если со временем изменится монета в сторону увеличения или уменьшения, то следует учесть эту новую стоимость монеты и расходовать на каждую из указанных в этой грамоте статей столько таких новых дирхемов, чтобы это соответствовало их величине, [указанной] в этой монете, которая была в Самарканде в день, когда совершено это дарение» [17, стр. 329].

Знание курса дирхемов и сведения о жалованьях впервые позволяют судить об уровне заработной платы в домонгольской Средней Азии и сравнить эти данные с тем, что известно о жизненном уровне в Египте и Сирии.

В медресе Ибрахима низшее жалованье — 30 дирхемов в месяц, т. е. $\frac{30}{47}$ динара; обслуживающий персонал получал 50 дирхемов, т. е. больше динара в месяц. Примерно в это же время (1009/10 г.) в мечети ал-Азхар и медресе ал-Хакима прислуга также получала около динара в месяц [11, стр. 50; 12, стр. 263]. Вообще в это время полтора динара считались прожиточным минимумом семьи [12, стр. 266]. Более детальный анализ уровня жизни пока невозможен из-за отсутствия сведений

¹⁹ Отношение мискаля к дирхему 10 : 7, а мискаля серебра к гитрифи 2 : 15, т. е. $\frac{20}{7}$ дирхема серебра = $\frac{105}{7}$ гитрифи, отсюда $\frac{105}{20} = 5\frac{1}{4}$.

о ценах на продукты. Единственное свидетельство — цена на шестимесячного барана в Нишапуре — 1 динар [6, стр. 142], т. е. стипендия студента в медресе примерно равна стоимости барана.

Мы коснулись только некоторых тем, которые естественно возникают при первом ознакомлении с текстом двух вакфных документов Тамгачхана. Несомненно, что дальнейшее изучение их принесет много нового для истории Самарканда и Средней Азии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Григорьев Г. В., Городище Тали-Барзу, — ТОВЭ, Л., 1940, т. 11, стр. 87—104.
2. Давидович Е. А., Город, ремесло и денежное обращение в Средней Азии периода так называемого «серебряного кризиса» (XI—XIII вв.), — сб. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., 1959, стр. 38—46.
3. Давидович Е. А., Из области денежного обращения в Средней Азии XI—XII вв., — «Нумизматика и эпиграфика», 1960, № 2, стр. 92—117.
4. Давидович Е. А., Об отношении золота и серебра в Бухаре в XII в., — ПВ, 1959, № 4, стр. 82—85.
5. Давидович Е. А., О двух караханидских каганатах, — НАА, 1968, № 1, стр. 67—76.
6. Жуковский В. А., Тайны единения с богом в подвигах старца Абу Са'ида. Толкование на четверостишие Абу Са'ида. Персидский текст, СПб., 1899.
7. Массон М. Е., К вопросу о «черных дирхемах» мусейяби, — «Труды института истории и археологии АН УзССР», Ташкент, 1955, вып. 7, стр. 175—196.
8. Массон М. Е., Регистан и его медресе, Ташкент, 1926.
9. Очерки истории СССР. Период феодализма. Часть первая. Древняя Русь. Феодальная раздробленность, М., 1953.
10. Шишкина Г. В., Материалы первых веков до нашей эры из раскопок на северо-западе Афрасиаба, — сб. «Афрасиаб», Ташкент, 1969, вып. 1, стр. 221—246.
11. Ashfor E., Essai sur les prix et les salaires dans l'empire califien, — RSO, 1961, vol. XXXVI, стр. 19—69.
12. Ashfor-Strauss E., Quelques indications sur les revenus dans l'Orient musulman au haut moyen âge, — JESHO, 1959, vol. II, стр. 16—19.
13. Description topographique et historique de Boukhara par Mohammed Nerchakhy, suivie de textes relatifs à la Transoxiane. Texte persan publié par Ch. Schefer, Paris, 1892.
14. Elisséeff N., Nur ad-Din. Un grand prince musulman de Syrie au temps des croisades (511—596/1118—1174), t. I—III, Damas, 1959—1967.
15. Goitein S. D., A Mediterranean Society: The Jewish Communities of the Arab World as Portrayed in the Documents of the Cairo Geniza I. Economic Foundations, Berkley and Los Angeles, 1967.
16. Ibn-el-Athiri chronicon quod perfectissimum inscribitur, ed. C. J. Tornberg, vol. I—XIV, Upsaliae et Lugduni Batavorum, 1851—1876.
17. Khardr M., Deux actes de waqf d'un Qarahanide d'Asie Centrale avec une introduction par Claude Cahen, — JA, 1967, t. CCLV, стр. 305—334.
18. Labib S., Geld und Kredit. Studien zur Wirtschaftsgeschichte Aegyptens im Mittelalter, — JESHO, 1959, vol. II, стр. 225—246.
19. Liber Mafatih al-olûm explicans vocabula technica scientiarum tam arabum tam perigrinorum auctore Abû Abdallah Mohammed ibn Achmed ibn Jûsof al-Kâtib al-Khowarezmi. Ed., indices adjecit G. van Vloten, Lugduni Batavorum, 1895.
20. كتاب عتبة الكتبة مجموعة مراسلات ديوان سلطان سنجار بقلم مؤيد الدولة منتجب الدين بديع آتابك جويني، بتصحيح واهتمام محمد قزويني وعباس آقبال، [طهران] ۱۳۲۹ ش [=1950].
21. التوصل الى التوصل انشاء وتاليف بها الدين محمد بن مؤيد بغدادى، مقابلة وتصحيح احمد بهمنيار، تهران، ۱۳۱۵ [=1936].